

Раскладывались по постелям. Футболку на стул, джинсы на пол, лифчики под подушки, голову на подушку. Сверху или снизу еще бубнят телевизоры. Сегодня прожито, уже ничего не изменится. Заводятся будильники, в последний, сотый раз пролистываются страницы соцсетей, досматриваются сериалы на ноутбуках. Наконец все стихает, и даже соседские телевизоры устают и переходят в моргающий, беззвучный режим. Единственный светящийся значок дома напротив определяет, что пора спать. Это время называется ночь. Маленькие и семейные уже давно спят. Старики глядят на себя в потолок. Одиночки ложатся последними. Обнимают ногами одеяла, руками подушки. Подрагивают уже пальцы на ногах, крикает в глотках. Вздрогнув, хватают руками телефоны и с облегчением понимают – еще ночь, еще долго до утра. Время сна. Пусть завтра уже наступило, но пока ничего не надо решать, начинать, делать. В завтра человек попадает в пижаме или голышом, спящий, теплый, гоняющий во рту слюну, ленившийся даже сбегать в туалет, потому что уж очень хорошо спится. Тихо.

Стук в дверь. Как будто сердце подпрыгнуло, ударило о потолок и свалилось прямо в желудок и кислотой разъело его полость. Кажется, стучали. Один раз? Стучали или показалось? Дверь вообще заперта? А если уже вошли? Один раз или

все-таки дважды? Больше не стучали. Или стучали? Ошиблись? Или приснилось? Тихо. Темно. Тепло. Все заново. Вздрагивают пальцы на ногах, крикает в глотках. Некоторые ползут все-таки в туалет, ложатся, никак не успокаиваются, листают соцсети, смотрят еще серию... Единицы подходят к глазку, но в нем только площадка и соседские двери. Ложатся. И щурится значок дома напротив.

Утро. День проживается как-то. Для иных фатально, но они – исключение. Остальные даже не заметят этого дня. К вечеру укладываются снова. Расслабляются плечи, вытягиваются ноги, урчат животы. Тихо и тепло. И тут точно как вчера. Бум-бум-бум. Прямо сжатым в кулак сердцем о дверь. Яростно. Нетерпимо. Слово следом будет крик – откройте сейчас же! Откройте немедленно! Что делать – приходится вставать. Не приснится же одно и то же дважды. Что ж это такое! Вторую ночь подряд. Надо проучить засранцев. Скорей к глазку. А за ним – все те же лыжи с санками и соседский мусор – вот хамы, столько раз их просили не выставлять эту вонищу за дверь. И никого на площадке. А за каждой из четырех или восьми дверей размягченное сном тело – слушает, сопит, смотрит. Но никого ведь нет, никого. Точно никого? Да точно, точно! Пошли спать.

За день забывается. Нужно успеть. Съесть, сказать, проглотить, сорваться, развестись, вспомнить,

Друг на друга не смотрят.
В лифт заходят по одному,
максимум своей
семьей. В транспорте
не толкаются, не ругаются.
Едут, отвернувшись,
замкнувшись. Не читают,
не пишут. В соцсетях
никаких новостей. Каждый
считает себя сумасшедшим.
Каждый боится.

узнать, забыть, написать, полюбить, простудиться, выучить неправильные глаголы, познакомиться с правильным человечком, кое-кому звякнуть, вернуть, вернуть, вернуть, включить телик, закрыть холодильник, закрыть холодильник, закрыть холодильник, спустить, снова закрыть холодильник, рухнуть, уснуть... и только перед самым сном, устраиваясь, пригреваясь, вздрагивая – а вдруг опять? Да нет, ну хватит, показалось, послышалось, почудилось. Или кто-то пошутил. Да ладно, спи уже. Ну позвоним, в конце концов, в милицию. Спи. Спи. Спи. Сплю.

Стучат. Да что ты будешь делать. Поймаю – руки оторву. Держи себя в руках. Мне страшно. Пойди ты посмотри. Соседский велик. Табачный запах. Мусоропровод. Никого. Да никого там, никого. Ложатся. Обсуждают. Думают. Пытаются уснуть. И снова стук. Да что ж такое. Никого. Да что за чертовщина! Выглядывают в окно, а там вместо мигающего телевизором зрачка в доме напротив горят все окна. Во всем городе. Теперь уж не уснуть до утра.

Утром тише. Друг на друга не смотрят. В лифт заходят по одному, максимум своей семьей. В транспорте не толкаются, не ругаются. Едут, отвернувшись, замкнувшись. Не читают, не пишут. В соцсетях никаких новостей. Каждый считает себя сумасшедшим. Каждый боится. Не решается. Вызывать милицию, – думают врачи. Или пойти к попу, покаяться, – размышляют полицейские.

К психиатру запишусь, – устанавливают священники и храпят, пока не подпрыгивают от стука. Никому не говорят. Само пройдет, должно пройти, уйти.

Не проходит. Стучит. Какой уж тут сон. Дежурят у двери. За ней – никого. Сама, что ли, она стучит. Стучит, будто смеется.

Бессонница. Кто-то вышел за дверь в одной пижаме и не вернулся. Все больше синих конечно-стей в сугробах – замерзают в пижамах, замерзают в халатах. Выбегают из дома, чтобы посмотреть, что там на улице, где те гады, что колотятся в двери. А двери захлопываются и больше не открываются. Звонки не срабатывают. Стук замерзших по ту сторону не слышен. Садятся на скамейку у подъезда. Задумываются, засыпают, замерзают. Что-то просачивается в новости, на какие-то левые порталы. Официальные СМИ немногословны, приводят заниженную статистику по замерзаниям, помешательствам – грешат на злоупотребление. Люди виноваты сами. Вроде уже и магазины все до девяти только, а все равно спиваются, что с ними поделаешь, сами люди виноваты, сами. Такой у нас народ.

Наконец, губернатор в телевизоре. Строг, но не убедителен. И добавляет. Мы на провокации эти не поведемся. И всех накажем. Кого? За что? Не объясняет. Значит, любому несдобровать, особенно безвинным. Если такие бывают. А губернатору самому не по себе. К нему же тоже с первого дня стучат. И не помогает ни охрана, ни камеры. Лучше б их и вовсе не было, камер этих, может, тогда бы и не знали, что нет там никого, даже когда стучат, в этот самый момент – никого там нету, никого.

Между собой разговоры разговариваются. Валить отсюда надо. Это все то самое проклятие. Только при советской власти население города трижды сменилось полностью. Куда все те люди сгнули? Уж столько лет о них никто не вспоминает. Да расстреляли их всех! Так уж всех! Значит, было за что! Может, это они и есть? Кто? Стучат? Вернулись? Кто? Хотят обратно в свои квартиры? А я в новостройке живу. Вот балда, она же на месте чего-то построена. Да, вроде кладбище там было. Ну хоть с тобой понятно!

Это при том, что уж в те годы порядок был! Тогда бы такого не допустили бы! Чуть оступился, сразу сажали. Просто так же не брали! Было же что-то. Было за что! И все боялись и вели себя как подобает. И правильно боялись. А нас всех, весь город, какая-то шпана взяла в оборот. Не стучат, так звонят.

Не звонят, так бегут по лестнице. Выйти бы на них да перемочить всех!

Это наверняка подростки, слышь. А чего подростки? Ну а кто у нас главная оппозиция. Ну а причём тут оппозиция? У меня сын подросток, он вот и слов таких не знает. Ну хрен его разберешь, я бы их всех перемочил для порядка. Да кого? Подростков, что ли? Оппозицию!

Иные обвиняют правительство. Хотят нас приручить, взять в оборот, испугать. А чо тогда губер такой зеленый, видно же, что сам в штаны наложил.

В общем, первое время было дико. Прокатывались по городу волны беспокойства и ужаса – якобы исчезали отдельные жители, все они находились – кто у себя дома, кто в гостях у родственников, кто в обезьянниках, кто возвращался из командировки. Кто замерз у дома – но нашелся же! Однако мнение о том, что стук забирает людей, только креп. Каких только слухов не ходило. Что это последствия радиоактивной катастрофы, что это маньяк, кто-то даже считал, что это такая художественная акция. Не обошлось и без инопланетян.

Многие замкнулись, боялись. Прятались под одеялами, затыкали уши. Соседи подозревали друг друга. Дежурили, караулили, поджидали, поджигали друг другу двери.

Группами тоже пытались действовать. Дежурили по очереди в домах. Дежурили по подъездам. Шмонали лестничные клетки. Рылись в мусоропроводах. Ходили со свечами и святой водой по районам. Переубивали, на всякий случай, всех собак и бомжей. Рылись в архивах. Писали друг на друга доносы в милицию. Забили местную тюрьму и психоневрологический диспансер. Пронюхав, что есть спрос, из областного центра приехали подбирать место под дополнительные дурки, уже и тендеры готовы были мутить, но им постучали в гостинице пару ночей подряд, и они уехали обратно. Московские журналисты приезжали и снимали сюжет. В утешение говорили, что волна идет по всей стране, что это вроде как эпидемия и в крупных городах уже начали прививать. Менты работали сутками. Отлавливали одиночек, но выяснялось, что они стучали в собственные двери, чтобы к ним никто больше не стучал. Менты и сами начали стучать – вроде как заговаривать. В отдельных районах даже установился порядок. Все стали более дисциплинированными, сосредоточенными. Старались раньше ложиться спать.

А потом. Кто-то успел уехать навсегда. Кто-то плюнул. Кто-то умер. Так и не поняв, кто стучит и зачем. Остальные свыклись. Пусть стучат, раз им

так хочется. Были такие, которые даже перестали просыпаться. Другие, наоборот, так и спали у двери, боясь не успеть на стук, не догнать, не узнать, кто же все-таки там стучит. Третьи поснимали двери, чтобы стучать было не во что. Губернатор ночевал теперь в поле. Никто не заметил в общем-то, как стучать перестали. А те, кто заметил, были уверены, что стук еще вернется, что это не навсегда.

